

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

*К 30-летию археологического изучения Новгородского
Рюрикова Городища и Новгородской областной
археологической экспедиции*

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Материалы международной научной конференции
4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

2007

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

NOVGOROD STATE UNIVERSITY

THE ORIGINS OF THE RUSSIAN STATE

*To the 30th anniversary of the archaeological
studies of Novgorod Ryurik Gorodishche
and the Novgorod Oblast Archaeological Expedition*

HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF ARTICLES

Proceedings of International Scientific Conference
October 4–7, 2005, Veliky Novgorod, Russia

St.-PETERSBURG

2007

ПЕРЕСТРОЙКА ДРЕВНЕЙШЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Константин Цукерман

École pratique des hautes études, Париж, Франция

(RE-)STRUCTURING EARLY RUSSIAN HISTORY

Constantin Zuckerman

École pratique des hautes études, Paris, France

ABSTRACT: *The dates provided by the Russian Primary Chronicle for the events of the second half of the ninth and the first half of the tenth century are widely recognized to be guesses by an early-twelfth-century compiler. Scholars admit that these dates cannot resist critical scrutiny, yet quote them nevertheless as a matter of tradition and convenience. The present survey summarizes a series of studies by the author (while adding some new arguments) which plead for a critical chronological scheme based on a careful re-examination of the Chronicle's textual structure as well as on a comprehensive re-reading of the non-Russian sources for the period. This exercise produces a series of dates which differ from the traditional chronology. The most significant and demonstrable changes consist in reducing the reign of Rjurik's son, Igor, from 912–945 to 941–945, and in delaying the arrival of Rjurik himself from 862 to the 890s. The chronological changes proposed suggest a different pattern for the events that led to the creation of the Russian state than commonly believed. Whatever its possible drawbacks, the new chronological scheme claims one distinct advantage over the old: every date proposed is backed by evidence and can be scrutinized, thus opening the way for criticism and improvement.*

В ряде статей, вышедших за последние годы на английском и французском языках, я предложил новый подход к проблемам хронологии событий эпохи становления древнейшей русской государственности. Отрывок из первой моей работы на эту тему был опубликован на русском языке, в более полном виде она появилась на украинском (Zuckerman, 1995. P. 237–270; Цукерман, 1996. С. 68–80; Цукерман, 2003а. С. 53–84). Сокращенный русский перевод еще одной статьи, а затем и ее полный вариант, так же вышли в свет в России и на Украине (Zuckerman, 2000а. P. 95–120; Цукерман, 2001. С. 55–70; Цукерман, 2003б. С. 76–99). Эти публикации послужили приглашением к дискуссии и вызвали ряд критических откликов, как в полемических статьях, так и в специальных исследованиях, посвященных древнерусской истории.

Я искренне благодарен редакции изданий, опубликовавших мои переводные работы, за возможность ознакомить с ними тот круг читателей, которому они в первую очередь и адресованы, а участникам дискуссии за высказанные замечания. Однако приходится с сожалением констатировать, что дискуссии, собственно говоря, и не получилось. Спор шел о деталях, которые так или иначе оказались на периферии моих исследовательских построений или же касались столь общепринятых положений, что мне не пришлось в

голову обосновывать их дополнительно. Так, например для В. В. Седова, которому я обязан наиболее обстоятельным отзывом на мои работы, основным камнем преткновения явилось скандинавское происхождение руси и локализация Русского каганата в Руси северной. Однако оба эти положения неоднократно и убедительно были аргументированы, в том числе и российскими коллегами, в то время как собственная гипотеза этого исследователя, отождествляющая «Русь изначальную» с именьковской археологической культурой и соответственно помещающая каганат на средней Волге (Седов, 2003. С. 3–14), продолжает существовать в исторической науке достаточно изолированно. Не менее рискованной мне кажется попытка В. Я. Петрухина опровергнуть сам факт существования Русского каганата (Петрухин, 2001. С. 78–82). Честь «открытия» этого каганата принадлежит не мне, и вряд ли В. Я. Петрухину удастся отправить в небытие это политическое образование раннего средневековья.

Дискуссия также показала, что многие ее участники оказались лишь частично знакомы с моей аргументацией. В самом деле, значительный круг проблем, рассмотренный мною в единстве, оказался расточен по статьям, опубликованным в периодических изданиях, не всем и не всегда доступных. В связи с этим я хотел бы воспользоваться

случаем и заострить внимание читателя в настоящей публикации на тех основных моментах, которые стали отправной точкой моего хронологического анализа начальной истории Руси (избегая, естественно, повторения уже проведенного мною источниковедческого анализа). Предлагаемый текст сохраняет стиль доклада, произнесенного мной на конференции 2005 г. в Великом Новгороде, в сборнике материалов которой он и выходит в свет. Необходимые ссылки на источники и научную литературу любознательный читатель найдет в моих уже опубликованных статьях – я не теряю надежду, что он обратится к ним непосредственно; здесь же я сосредоточу его внимание на недавних публикациях, реагируя попутно и на критику.

1. Хронология правления князя Игоря. В основе моих исторических построений лежит весьма консервативный подход к письменным источникам, представленным, в первую очередь, летописями. Я убежден, что, начиная с повествования об изгнании варягов и призвании Рюрика, летописный текст дает, в общем, достоверный обзор истории Руси, который не противоречит ни сведениям иностранных источников, ни данным археологии. Этот обзор восходит к древнейшему тексту, повествовавшему о начальных событиях русской истории, так называемому «Сказанию», о котором речь еще будет идти ниже. Противоречия, и весьма серьезные, возникают в историографии из-за того, что привнесенные поздним редактором в летописный текст абсолютные даты воспринимаются исследователем как часть изначального повествования. При этом очевидно, что летописная хронология неспособна дать ответ на поставленный летописцем вопрос «Откуда есть пошла русская земля». Начальная дата летописи, заимствованная из переводной греческой хроники, оказывается достаточно случайной и свидетельствует лишь о том, что никакими сведениями, приводящими из местной исторической памяти, о событиях, предшествовавших изгнанию варягов, летописец не обладал.

История правления князя Игоря в Новгородской первой летописи младшего извода, как известно, почти целиком состоит из долгой беседы, которую князь ведет со своей дружиной. Согласно статье 6430 (922) г. (НПЛ, 1950 С. 108), Олег почему-то сходит с исторической сцены после победоносного похода на Царьград, причем летопись приводит две версии о месте его смерти, в Ладоге или «за морем», а Игорь в Киеве начинает княжить самостоятельно, ведя войну с древлянами и уличами. В первый же год своего правления он

покоряет уличей, а после трехлетней осады овладевает и последним непокорным древлянским градом Пересечен. Однако всякий раз Игорь отдает дань с покоренных племен воеводе Свенельду, чем вызывает неудовольствие собственной дружины. Жалобы дружинников начинаются еще в летописной статье 6430 (922) г., прерываются фразой «Посем скажемъ въ перключившихся лѣтех сих» и завершаются после долгого ряда пустых погодных статей (6431–6447, 6449, 6451–6452 гг.) в 6453 (945) г. (НПЛ, 1950. С. 109–110). Нарекания дружины на то, что «мы нази», служат предлогом к дополнительным поборам с древлян, что вскоре приводит к гибели князя.

Повесть временных лет датирует вокняжение Игоря «по Олзѣ» 6421/913 г. (ПВЛ, 1996. С. 21), а первый поход на древлян и первую дань относит к 6422 (914) г. И в этом тексте многие годы остаются пустыми (6425–6427, 6429–6436, 6438–6441, 6443–6448 гг.), а другие оказываются заполнены статьями, главным образом заимствованными из т. н. Продолжателя Хроники Георгия Амартола (то есть из Хроники Симеона Магистра), которые отсутствуют в НПЛ (6428, 6437, 6442 гг.). Непрерывная череда событий начинается здесь лишь в 6449 (941) г. описанием двух походов Игоря на Царьград и текстом договора Руси с греками, а под 6453 (945) г. в ПВЛ появляется статья весьма сходная с той, что читается при той же дате в НПЛ. Развитие исторического сюжета в ПВЛ характеризуется явной нелепостью, ибо претензии Игоревой дружины к Свенельду и его отрокам, получившим «первую дань», приводятся без объяснения предшествующих событий. Главное же, остается необъяснимым, как дружинники Игоря после победоносного похода на Византию и получения богатых трофеев продолжают оставаться «нази».

Впрочем, не мне здесь доказывать, что текст ПВЛ является вторичным по отношению к тому, что читается в НПЛ. Общее соотношение между обоими текстами было, как известно, установлено А. А. Шахматовым, а интересующий нас отрывок был подробно разобран А. А. Гиппиусом (*Gippius*, 2001. С. 147–181), который опирался в своем исследовании на лингвистические критерии и не ставил себе цели постичь хронологию правления князя Игоря. Однако, он предложил реконструкцию исходного текста весьма близкую той, что в свое время предлагалась и мною в работе, с которой он не был знаком (*Zuckerman*, 1995. Р. 262–264). Основные положения А. А. Гиппиуса, дополненные и пересмотренные в ряде деталей, вошли в его докторскую диссертацию (*Gippius*, 2006).

С. 24–26) и явились огромным шагом вперед в изучении текста первоначального «Сказания», о котором писалось неоднократно (в указанных работах читатель найдет библиографию вопроса), но которое считалось до неузнаваемости заредактированным позднейшими сводчиками и переписчиками. Оказалось, что это не так. Текст «Сказания» успешно поддается реконструкции в силу как лингвистических, так и текстологических критериев. Поскольку этот древнейший текст полностью ускользнул от внимания А. А. Шахматова, выделение его в составе летописи становится первоочередной задачей исследователей, а перестройка основ шахматовской схемы не может не повлечь за собой и существенных изменений в выстроенной на ней надстройке.

Итак, прочтение летописного рассказа о княжении Игоря (после исчезновения Олега) как цельного текста не оставляет сомнения в том, что в представлении автора «Сказания» это правление было очень кратким: реконструкция внутренней хронологии рассказа отводит ему лишь три года и несколько месяцев. При желании можно верить, что автор «Сказания» был плохо осведомлен о реальном ходе событий или сознательно сжал событийную канву ради художественного эффекта, однако заданная им хронология, претерпевшая различные изменения в последующих редакциях, восстанавливается вполне однозначно. Если вычесть полученный срок правления Игоря из общепризнанной даты его гибели (зима 944/945 гг.), то начало его княжения приходится на лето 941 г.

Именно летом 941 г. состоялся неудачный поход Руси на Царьград, в результате которого Игорь, по словам Иоанна Цимисхия, лишь чудом спасся «с десятком лодок» (*Лев Диакон*, 1988. С. 57). Обстоятельства этого похода подробно описаны в анонимном письме из Каирской генизы (Кембриджский аноним), впервые опубликованном С. Шехтером в 1913 г. (*Schechter*, 1912/13. P. 182–219), а ныне хорошо доступном русскому читателю благодаря переводу нового критического издания (*Голб, Прицак*, 1997, 2003). Напомним, что в этом тексте в качестве верховного правителя (*meleh*) Руси, союзника, а затем противника византийского императора Романа Лакапина в 940–941 гг., фигурирует *Helgu*/Олег. После своего поражения от императорского флота Олег отходит к берегам Малой Азии и на Русь уже не возвращается, а захватывает город Бердаа (на территории современного Азербайджана), где через несколько лет и погибает. Как я давно подчеркивал, это новооткрытое известие несколько не шокировало А. А. Шахматова, который знал цену летописным

датам IX–первой половины X вв. (*Шахматов*, 1915. С. XXXII–XXXIII). Однако позднейшие исследователи обнаружили бескомпромиссную приверженность этим «условным датам», и хотя попытки опровергнуть подлинность письма отошли в прошлое – есть все основания полагать, что это послание было отправлено из Константинополя менее, чем через десятилетие после описываемых событий (*Zuckerman*, 2000б. P. 654–660) – этот текст до сих пор остается большим местом историографии Древней Руси.

Достаточно привести лишь два недавних примера. Так, ограничивая правление князя Игоря датами ПВЛ, В. Я. Петрухин предлагает видеть в Олеге «сравнительно автономного» черниговского князя, затмившего князя Игоря в глазах автора анонимного письма (*Петрухин*, 2000. С. 222–229). Идея В. Я. Петрухина о совместной «власти над Русью целого княжеского рода» противоречит, однако, не только летописной концепции политического строя Руси, но и представлениям близко знавших Русь византийцев, которые признавали ее единого верховного правителя (ср.: *Zuckerman*, 2000б. P. 671). Есть основания согласиться с А. А. Горским, который отвергает представление о Руси эпохи Игоря как о «конгломерате конунгов» (*Горский*, 1999. С. 43–52); но и для него упоминаемый в письме Каирской генизы Олег был лишь «одним из представителей правящего в Киеве княжеского рода», подчиненных князю Игорю. Такая гипотеза обязывает автора к неожиданной интерпретации употребленного в письме термина «*meleh*»: «мелех Руси» – это не более чем «князь русский», термин, который в древнерусском языке мог прилагаться к любому представителю правящей династии» (*Горский*, 2004. С. 71). Но поскольку автор интересующего нас послания пишет все же по-древнееврейски, то есть на языке, в котором этот термин обладает вполне определенным значением и прилагается лишь к верховным правителям конкретного общества, то получается, что он, этот древний автор, совершенно не разобрался в событиях, происшедших буквально у него на глазах.

Попытки переосмыслить и исправить данные анонимного послания из Каирской генизы могли бы иметь смысл и научный интерес, если бы эти данные вступали в конфликт со сведениями других полноценных источников. Однако, происходит обратное. Дата начала правления князя Игоря, вытекающая из внутренней логики «Сказания», удивительно точно совпадает со временем, когда князь Олег, согласно анонимному посланию, был вынужден отказаться от возвращения на

Русь. Оба этих текста, по разным причинам, могли бы содержать в себе информацию, не соответствующую исторической истине. Однако, когда два независимых источника взаимно подтверждают друг друга, это и есть то, что является истиной для историка. Что же противостоит этим показаниям? Лишь даты условные «как все летописные даты за IX–середины X вв., кроме тех, что опираются на хронологию византийских источников» (*Горский*, 2004. С. 38). Парадокс начального этапа древнерусской истории как раз и заключается в том, что ни один серьезный исследователь не станет отстаивать достоверность летописных дат правления Олега и Игоря. Достаточно вспомнить А. А. Шахматова, который отмечал, что летопись перенесла на время правления Игоря те события, которые следовало бы отнести к княжению Олега (*Шахматов*, 2001а. С. 78, 79, 80; 2001б. С. 85, 86, 87; 2003. С. 229), разделив таким образом общее время их власти «по-братски» и отведя каждому эпическое число годов – по тридцать лет и три года. Однако большинство исследователей использует эти условные даты, как если бы они имели серьезные исторические основания.

Согласные свидетельства текста «Сказания», лежащего в основе летописного предания, и информация практически современного событиям анонимного послания Каирской генизы – Кембриджского анонима как раз и позволяют нам перейти из области «условных» дат к датам, исторически обоснованным. Надежные даты правления князя Игоря, лето 941–начало 945 гг., лежат в основе моих дальнейших построений. В своей ранней статье я уже подчеркивал, что автор «Сказания», судя по всему, представлял себе Игоря как князя молодого и неопытного, а вовсе не умудренного тридцатью годами пребывания во власти (*Zuckerman*, 1995. P. 263–264). Нет смысла опровергать эту логику долетописного рассказа, как, впрочем, и представлять Русь в виде конгломерата правящих здесь конунгов или же создавать некоего нового Олега, представителя княжеской династии, превосходящего Игоря славою и властью, в котором сторонний наблюдатель мог увидеть верховного правителя Руси.

В этой связи я хотел бы привести еще одно свидетельство, которое, несмотря на свою общедоступность, редко комментировалось историками. Речь идет об описании похода Олега на Царьград в НПЛ младшего извода под 6430 (922) г. (НПЛ, 1950. С. 107–108). Собственно говоря, летопись упоминает два похода, поход Игоря и поход Олега, но описание первого из них восходит к переводной хронике Продолжателя Амартола и этим

определяется как позднейшая вставка. Изначальный текст «Сказания» не содержал в себе хронографических выписок. Я полагаю, что этот текст восстанавливается, если из летописного текста НПЛ «вычесть» погодные статьи 6428–6429 гг. Оборванная на середине фраза, завершающая статью 6427 г., хорошо состыкуется с началом статьи 6430 г.: «По сих же паки временех...» ...«иде Олегъ на грѣкы и прииде к Цесарюграду». Согласно тексту НПЛ, первичность которого по отношению к версии ПВЛ трудно опровергнуть специально для данного пассажа, события разворачиваются по следующему сценарию: Игорь берет в жены Ольгу, от этого брака рождается Святослав, и лишь потом Олег идет походом на Византию. Как известно, в 945 г. Святослав был еще ребенком. Тем самым оказывается, что «Сказание» сохранило местную память о походе Руси на Царьград 941 г., превратившую за давностью лет поражение в победу. Предводитель похода ставит корабли на колеса и прибывает свой щит к «вратам Цареграда», но зовут его, как и в тексте Кембриджского анонима, Олег. Примечательно, что в обоих текстах сразу после похода Олег сходит с исторической сцены. Автор ПВЛ использовал этот поход Олега для сюжетного обрамления сфабрикованного им договора 907 г. (ср.: *Горский*, 2005. С. 147–152), чем нарушил последовательность рассказа и ввел в соблазн византинистов, которые уже давно и безрезультатно ищут в источниках хоть что-нибудь, отдаленно напоминающее поход руси на Константинополь, приходившийся на время правления Льва VI Мудрого (886–912).

Периоду самостоятельного правления Игоря должна была предшествовать эпоха соправления, во время которой Олег, несомненно, сохраняя за собой всю полноту реальной власти, правил от имени молодого княжича. Память об Олеге как воеводе Игоря, воплощенную в тексте «Сказания», сохранили и поддерживали следующие Рюриковичи. Однако, как это правильно увидел автор ПВЛ, познакомившись с договором Руси и Византии 911 г., а вслед за ним видим и мы, изначально статус Олега был иным. Попав на Русь как один из спутников Рюрика или независимо от последнего, в договоре 911 г. он не признает над собой ни власти Игоря, быть может, к тому времени и не родившегося, ни власти Рюрика, быть может, еще и не умершего, выступая как совершенно самостоятельный правитель подчиненной ему части Руси. Но для того, чтобы расширить пределы этой власти, союз с отпрыском «законной», или как ныне принято говорить, «харизматической», династии был совершенно необходим.

Олег захватывает Киев именем Игоря и, со временем, распространяет свою власть и на Новгород. Однако происходит это значительно позже, чем принято ныне считать, опираясь на произвольные летописные даты: по моему мнению, захват Киева следует датировать временем никак не ранее конца 911 г. (договор с Византией составляет *terminus post quem* для заключения союза между Игорем и Олегом), вероятнее всего – концом этого десятилетия. Наилучшим индикатором даты подчинения Новгородских пределов власти Олега является само появление «нового города» на левом берегу Волхова, 930-е гг., если следовать результатам археологических исследований, которые относят начало относительно регулярной городской застройки на территории Людина конца к 930–940-м или, несколько шире, к 930–950-м гг. (Гайдуков, Дубровин, Тарабардина, 2001. С. 79–81; ср.: Янин, 2004. С. 11, 14, 71, 72, 76–77, 127–129). Старый династический укрепленный центр, располагавшийся на Рюриковом городище, мог пострадать при захвате, а главное, перейдя под руку князей Киевских, он потерял свое исконное назначение, перестав быть местом средоточения верховной власти.

Читатель, вероятно, уже обратил внимание, что, уточняя время правления князя Игоря, я вовсе не склонен пересматривать сохраненное «Сказанием» предание о том, что Игорь был сыном Рюрика. Я предполагаю, что летописные даты правления Рюрика столь же произвольны, как и хронологические рамки, в которых оказались заключены его преемники. Для уточнения времени появления Рюрика мы можем, однако, опереться не только на общие соображения, вытекающие из пересмотренных мной дат княжений Олега и Игоря, но и на целый ряд дополнительных наблюдений.

II. Изгнание варягов и проблема Русского каганата. В летописной традиции, восходящей к началу «Сказанию», изгнание варягов и последовавшее за тем призвание Рюрика служат фундаментом, на котором основывается современная летописцам княжеская династия, и, в более широком смысле, «земля Русская» как государственное образование. Эта схема, идущая из глубины веков, распадается в новейшей монографии по древнерусской истории. Об изгнании варягов там речи нет вовсе, а Рюрик Новгородский отождествляется с Рориком Ютландским (что, на мой взгляд, обосновательно), и это отождествление по очевидным «хронологическим соображениям» не позволяет ему быть отцом Игоря (Горский, 2004. С. 46). Впрочем, если следовать хронологии ПВЛ, то ход событий и в самом деле поражает своей

стремительностью. За один год (6370 (862)), славяне и их соседи изгоняют варягов, начинают «сами в себе володети», затевают междоусобные брани, убеждаются, что «нет в них правды», и призывают Рюрика, который тут же развивает бурную административную деятельность. При этом автор ПВЛ, втиснув абсолютные даты в текст первоисточника, который частично сохранился в НПЛ младшего извода, благоразумно отбросил указание на то, что славяне в тоже время стали «города ставити»: трудно представить себе, что столь масштабный проект был осуществлен всего за один летописный год. Противоречие между логикой изначального рассказа, явно охватывающего продолжительный отрезок времени, и искусственно привязанной к нему датой, сводящей все события к одному году, выступает здесь особенно резко. Тем не менее авторитет даты призвания варягов, освященной летописной традицией и указом императора Николая I (Соловьев, 1983. С. 352), весьма велик. Несмотря на свою «условность» и явную несообразность, она продолжает повсеместно использоваться.

Отстаивая историчность традиции об изгнании варягов (Zuckerman, 2000a. P. 95–120; Цукерман, 2001. С. 53–84; 2003б. С. 88–89), я в первую очередь указал как на одно из его свидетельств на описанный Т. Нунаном «первый кризис серебра в восточной Европе», который выразился в почти полном исчезновении монетных кладов в последней четверти IX в. (Noonan, 1985. P. 875–900; Noonan, 1987. P. 384–443). Это явление начинает проследиваться в Поволховье, где клады исчезают уже с начала 870-х гг. Я сопоставил этот длительный перебой в транзитном движении арабских дирхемов со следами пожаров в Ладоге (около 870 г.) и на Рюриковом городище (после 867 г.), за которыми следует по-видимому временный упадок этих поселений. Следы разрушения прослеживаются и на ряде других памятников региона – Городище на р. Сясь (до второй четверти X в.), Холопий городок, Любшанское городище (IX в.), Камно (после 860 г.), где присутствуют элементы материальной культуры скандинавов. И в Ладоге, и на Рюриковом городище реальные признаки нового взлета поселений датируются последним десятилетием IX в., и к этому времени я и отношу появление Рюрика. Отсылая читателя к соответствующей литературе (Рябинин, Черных, 1988. С. 90–91; Носов, 1990. С. 53, 91, 93, 98–100, 147; Богославский, Щеглова, 1996. С. 57–61; Белецкий, 1996. С. 32–33, 57; Носов, Плохов, 1997. С. 129–152; Кузьмин, 1997б. С. 349–350; Цукерман, 2003б. С. 84–87), я хочу подчеркнуть, что, не будучи археологом, я

не претендую на самостоятельную интерпретацию археологического материала. В ряде деталей я допустил неточности, указанные мне В. В. Седовым, однако эти детали не меняют сути дела и общей картины, за критическую проверку которых я как раз был благодарен археологам. Отмечу при этом, что появление курганного могильника в урочище Плакун, традиционно соотносимого с пребыванием Рюрика в Ладогe и, как мне представляется, археологически датированного «по летописи», было недавно отнесено к рубежу IX–X вв. Эти выводы (предложенные вне всякой связи с моими идеями) основываются на пересмотре датировок некоторых элементов погребального инвентаря, а также на более корректной интерпретации имеющейся дендродаты исследованного здесь камерного погребения (Михайлов, 2002. С. 63–68, 2003. С. 73–78; ср.: Назаренко, 1985. С. 156–169).

Итак, отстаивая историческую реальность изгнания и призвания варягов и в целом следуя логике летописного рассказа, я предложил четкое разделение двух этапов становления русской государственности. Первый этап был ознаменован возникновением государственного образования, возглавленного каганом русов и потому известного в историографии как «Русский кагант» (около 830–870 гг.), а второй связан с появлением на Руси основателя новой династии Рюриковичей (890-е гг.). Следует подчеркнуть, что этникон Рос-Русь является уже в 830-е гг. самоназванием подданных кагана, чьи послы посетили императора Феофила в Константинополе, а затем и Людовика Благочестивого в Ингельгейме 18 мая 839 г. При каролингском дворе с этим этниконом тогда еще знакомы не были, но византийцам он должен был быть известен, так как те же росы за несколько лет до посольства разгромили Амастриду (Васильевский, 1915). Таким образом, летописная концепция, которая возводит возникновение названия «Русская земля» (в Среднем Поднепровье) к появлению Рюрика, страдает неточностью: пусть и в иной географической привязке, это название присуще и «до-рюрикову» этапу проникновения скандинавов в славяно-финскую среду. Такое преемство этнонимов тем более примечательно, если признать, что разрыв между обоими этапами составил около двух десятилетий.

Отстаиваемая мною локализация каганата русов на Севере не претендовала на оригинальность, однако в новейших работах она вновь уступает место южной, более традиционной, связывающей каганат с Киевом. Так, недавно А. А. Горский (Горский, 2004. С. 55–56) отверг северную локализацию каганата, ссылаясь на свидетельство Бавар-

ского географа (при том, что в интересующей нас части этот памятник сохранил лишь самые общие географические представления, а сближая русов и хазар, исходил, вероятно, из факта их совместного контроля над торговым путем из Скандинавии в Халифат). Возродившаяся южная локализация каганата чревата, однако, парадоксом, на который я хотел бы обратить внимание читателя.

Давно уже не секрет, что ни о каком значительном поселении на месте будущего Киева до конца IX в. говорить не приходится. Правда, в свое время об этом чаще писалось на Западе, чем в СССР. Правда и то, что этот факт несколько не препятствовал Б. А. Рыбакову и его последователям отправлять, начиная с 830-х гг., из Киева в поход на Византию многотысячные экспедиции, естественно, чисто славянские по составу участников, ибо никаких следов скандинавского присутствия на территории Украины до конца IX в. не засвидетельствовано. Здесь то и возникает сложность.

Традиционная советская концепция истории Киева ныне пересматривается в работах украинских археологов. Так, обобщая опыт многолетних исследований Подола, М. Сагайдак признает в скромных зачатках городской жизни, прослеживаемых в этой части древнего Киева с конца 880-х гг., первое свидетельство о существовании Киева как города. Он также указывает на разрыв в заселении территории будущего Киева с конца VIII по конец IX в. (Sahaydak, 2005. P. 138–160). Археологические датировки, базирующиеся в основном на керамическом материале, достаточно растяжимы, и наблюдаемый М. Сагайдаком временной разрыв несколько сокращается в работе А. Комара. Однако и этот исследователь констатирует: «к сожалению, на сегодня у нас нет реальных фактов, подтверждавших бы существование Киева во второй трети IX в., то есть во время наиболее захватывающих событий в истории «Русского каганата» (Комар, 2005. С. 136–137). Автор напоминает также о гибели поселений волынцевской культуры и запустении Днепровского Левобережья в первой трети IX в. (см.: Григорьев, 2000), усматривая следы подобных разрушений и на территории Киева. Этот погром А. Комар приписывает карательной акции Русского каганата во главе с Аскольдом и Диром; признавая при этом, что предлагаемый им анализ радикально меняет характер взаимоотношений этих исторических деятелей с населением Киева по сравнению с летописной традицией.

В самом деле, любопытно, как постепенно менялся образ Аскольда и Дири. В летописном повествовании, восходящем к первоначальному «Сказанию», эти два авантюриста-варяга прибирают к

рукам вымороченный городок, притесняемый соседями и обложенный хазарской данью: такой сценарий, на мой взгляд, вполне правдоподобен для первого десятилетия X в. Затем они погибают, ничем более не отличившись, от рук Олега, будучи явно не в состоянии оказать ему сопротивление. Автор ПВЛ, задавшийся целью увязать воедино в своей «новой хронологии» данные летописи и греческой хроники, ставит Аскольда и Дира во главе первого похода Руси на Царьград «866 г.». В современных же былинах, созданных или вдохновленных Б. А. Рыбаковым, отношения между Аскольдом и Диром наполняются драматизмом, оба они ассоциируются с Русским каганатом, а ныне громят и Киев. Последнее, впрочем, особенно несправедливо. В работе, опубликованной в русском переводе в малодоступном крымском издании и оставшейся А. Комару неизвестной, я уже указывал на связь разрушения славянских поселений левобережья Днепра с захватом Причерноморской степи венграми в конце 830-х гг. Из-за венгерского вторжения послы Русского кагана как раз и не смогли вернуться домой степным путем, почему и отправились кружной дорогой через Европу, а попав ко двору Людовика Благочестивого, были опознаны как свеоны. Лишь после изгнания венгров печенегами полвека спустя, создаются условия для возобновления торговых путей, которые способствовали и возникновению города Киева (Zuckerman, 1997. P. 51–74, Цукерман, 1998. С. 663–688).

Вернемся, однако, к тому, что я бы назвал растущим парадоксом древнерусской историографии. Независимо от степени заинтересованности в поисках следов каганата, киевские исследователи сходятся на том, что не только крупного административного центра, но и простого поселения в период расцвета каганата в Киеве не существовало. Однако одновременно с тем, как представление о Киеве – мощной столице Руси середины IX в. сходит на нет на Украине, оно укрепляется и обрастает новыми деталями в Москве. Активный торговый путь, «связывающий восточнобаварское Подунавье через Моравию, Малую Польшу, Волынь и Киевщину с Хазарией» возникает, согласно А. В. Назаренко, не позже середины IX в. и используется русским купцами с далекоидущими последствиями: «именно на этот коммуникационный «костяк» в течение IX–X вв. выросла «плоть» Древнерусского государства» (Назаренко, 2001. С. 108, 114). Однако, где именно на Киевщине базировались эти купцы, вообще никаких археоло-

гических следов своей деятельности не оставившие, остается загадкой. С. А. Иванов отправляет в Киев архиепископа, посланного патриархом Фотием на Русь: исследователь считает, что ехать на север архиепископу было бы слишком далеко (Иванов, 2003. С. 20–22). Вряд ли сосланный на Русь византийский иерарх осознавал разницу в расстоянии между местом будущего Киева и местом будущего Новгорода (да кто б его и спросил?); вряд ли пославшие его церковные и светские власти обладали более четкими географическими представлениями. Но если бы он попал в 869 г. на место будущего Киева, то ничего, кроме битых горшков волынцевского типа, он там бы не нашел. Располагая центр Русского каганата в Киеве, А. А. Горский называет его правителями в 860–870-х гг. Аскольда и Дира, сохраняя за ними «условные» даты ПВЛ. Посольство же конца 830-х гг. в Византию, по его мнению, посылали те, «кто был там у власти до них» (Горский, 2004. С. 56). Если вернуться к давно забытой канве летописного рассказа, это должны были быть не иначе как Кий-перевозчик, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь. Поскольку А. А. Горский не отрицает вклада скандинавов в становление Русского каганата, факт полного отсутствия скандинавских древностей на Украине вплоть до их появления на Шестовице в самом начале X в. выступает здесь во всей своей остроте. Получается, что скандинавы, которые без стеснения разбрасывали следы своего пребывания на русском севере, на юге сумели их целиком и полностью замести.

Постоянно растущий разрыв между данными археологии и построениями историков наводит на мысль, что русский каганат в своей южной историографической ипостаси парил над территорией Украины наподобие летающих замков и островов японских мультфильмов, не оставляя по себе никаких материальных следов. Логичнее признать, что он располагался на севере, и связать его существование с теми скандинавами, чье присутствие прекрасно засвидетельствовано в Поволховье именно в 830–860-е гг., и о которых летописи помнили лишь то, что те были изгнаны местными племенами за творимое насилие. Такого рода признание, однако, таит в себе подвох. Если русский каганат, известный с таким этниконом уже в 830-е гг., возник на севере, то любые попытки отыскать южное, славянское происхождение этнонима Русь сразу же отпадают. Так что «Русский каганат» или «остров руссов» арабских источников будет, без сомнения, парить над Украиной еще очень долго.

* * *

Предлагая просвещенному читателю свои соображения по древнерусской истории, я тешил себя надеждой, что они не только поднимают давно назревшие проблемы, но и предлагают новые, наиболее обоснованные решения. Читатели-специалисты, сжившиеся с «условными» датами, отозвались в общем в том смысле, что ни проблем им моих, ни решений не надо, не сознавая, что как в известной сказке Андерсона, тщательно охраняемой условности явно настал конец. Независимо от того, согласятся они со мной в конце концов или нет, даты княжения Рюрика, Олега и Игоря им придется обосновывать самим. А поскольку научный спор есть лишь путь к достижению истины – в форме, доступной для историка, то есть как непротиворечивое истолкование всей доступной массы источников – я хотел бы под конец заострить внимание коллег на некоторых методологических проблемах, разрешение которых будет, несомненно, способствовать нашему совместному движению вперед.

Остро стоит вопрос о продолжении использования даже квалифицированными исследователями «условных дат» летописи. Процесс их появления на сегодняшний день достаточно ясен, и ориентироваться в современной историографии на домыслы летописца, всякий раз подчеркивая их условность, явно нелепо. В этом отношении велика заслуга Дж. Шепарда, который впервые попытался дать обзор древнерусской истории, не привлекая летописные даты (*Franklin, Shepard*, 1996; русское издание: *Франклин, Шепард*, 2000). Автора можно упрекнуть лишь в том, что вместе с сомнительными цифрами он исключил из своего исторического очерка и немалую часть несомненных событий, ими датированных, чем существенно этот очерк обеднил. Представляется, что тщательный текстуальный анализ летописного рассказа позволяет нам привлечь сообщаемые им данные в гораздо более полном объеме.

Столь же острой проблемой становится отсутствие четких источниковедческих посылок исследователя при обращении к летописным данным. Не говоря даже о Никоновской летописи или «татишевских» известиях, которые многими уже и не используются, остается вопрос о соотношении НПЛ и ПВЛ. Древнерусская история писалась согласно ПВЛ задолго до того, как А. А. Шахматов показал первичность текста, сохраненного НПЛ, и сегодня эта традиция продолжается, хотя мало кто ставит под сомнение основные выводы Шахматова. В советскую эпоху положение осложня-

лось тем, что древнерусскую историю зачастую писали исследователи, филологической подготовкой не обладавшие, но даже если не обращать внимания на крайности, специалисты и поныне слишком часто опираются на фразы и конструкции ПВЛ, вторичные по отношению не к некоему гипотетическому Urtext'у, а к вполне доступному тексту НПЛ. Основная черная работа для историка была проделана О.В. Твороговым, который вновь тщательно сличил тексты обеих летописей (*Творогов*, 1976. С. 3–26). Историк, желающий оспорить его выводы, может сам проделать ту же работу и представить новые аргументы, но просто опираться на заведомо вторичный текст он не вправе, как не вправе приводить условные летописные даты, никак их не обосновывая.

Возможности использования историком летописных данных обогатились благодаря уже упомянутой работе А. А. Гиппиуса, наметившего пути выделения древнейшего долетописного текста, так называемого «Сказания», в составе дошедших до нас летописей. Каждый историк обязан теперь занять позицию по отношению к «Сказанию» при определении своей источниковой базы. А потому он не может оставить в стороне и проблему, было ли описание княжения Игоря составлено с самого начала в той форме, в какой оно фигурирует в НПЛ или ПВЛ (как молчаливо признается всеми, кто цитирует летописные даты), или же все-таки в той, в какой его восстанавливает А. А. Гиппиус (и тогда остается лишь прочесть эти несколько строк, и вся хронология первых княжений встает на свое место). Впрочем, княжение Игоря – это лишь один из эпизодов в интереснейшем повествовании, более полная реконструкция которого принесет историкам еще много ценного и неожиданного.

Расцветший за последние годы в разных формах «антинорманизм» осложняет дискуссию, сводя ее к вопросам для нашей темы сторонним, а главное, создавая странную атмосферу, в которой задачей историка оказывается борьба с источниками, которые постоянно пытаются ввести его в заблуждение. Как былинный богатырь, рубящий головы змея, историк расправляется с Бертинскими анналами, переставляет с ног на голову Константина Багрянородного, попутно сметает Иосипона и разбирается, как может, с тремя поколениями летописцев, которые все, как выясняется, состояли на службе норманнской интриги (см. недавно: *Максимович*, 2006. С. 14–56; *Фомин*, 2005). Я эту логику преодоления источника для себя не приемлю. В предлагаемой мной конструкции историкам, самым разным, в общем можно доверять.

Было и изгнание варягов, и призвание Рюрика (тот самый «ряд», о котором пишет В.Я. Петрухин и другие уважаемые коллеги), и Игорь был Рюриковым сыном, и вся совокупность летописных известий об отношениях Олега и Игоря отражает ту двойственность этого союза, которая не менее очевидна и при анализе иностранных источников. Но все это было в истории в свое время и на своем месте. Представления автора «Сказания» о Киеве до захвата его Олегом соответствуют данным археологии, а позднейшее превращение Аскольда и Дира в вождей многотысячного похода на Царьград немало бы его позабавило. Автор Кембриджского анонима, описавший поход Олега на Константинополь и на Бердаа, тоже ни в чем не ошибся. Тот факт, что он признал за царя руссов их действительного правителя, а не «законного» княжича из правящей династии, вряд ли можно поставить ему в упрек. Кто из соседей Византии (да и самих византийцев!) обращал особенное внимание на то, что при «мужлане» Романе Лакапине соправителем был багрянородный василевс и что Никифор Фока и Иоанн Цимисхий правили от имени порфирородных принцев?

Хронология событий есть, как известно, основа истории, тот жесткий каркас, на который крепятся наблюдения культурного, социального и экономического порядка, выявляющие различные аспекты развития общества во времени. Поэтому очевидно, что предлагаемый мною пересмотр хронологических реперов в корне меняет наши взгляды на динамику становления древнерусского общества в целом. Приведу лишь один пример. Важнейшим показателем интеграции скандинавов в славянской среде являются византийско-русские договоры 911 и 944 гг. над переизданием, переводом и комментарием которых я сейчас работаю. По традиционной хронологии, договор 911 г.,

в котором Русь лишена каких-либо географических привязок, и где еще не ощущается какого-либо влияния славянских верований, отражает состав элиты древнерусского общества ровно через полстолетия после прибытия Рюрика и его дружины на Русь, то есть в своем втором-третьем поколении. Еще поколение добавляется для тех исследователей, которые считают, что присутствие скандинавов на Руси не прерывалось с момента возникновения Русского каганата. В соответствии же с той хронологией, что предлагаю я, посольство 911 г. состоит из мигрантов первой волны, что и объясняет полное отсутствие признаков интеграции. А всего лишь поколение спустя, договор 944 г. уже явно отражает факт вхождения варягов в славянскую среду.

Итак, хочется думать, что в серии работ, предстоящей настоящей статье, я сумел показать, что комплексный разбор наличных письменных источников по древнейшей истории Руси с учетом новейших археологических данных позволяет предложить вполне надежную хронологию известных нам по летописи событий. «Изгнание варягов», бывшее собственно падением Русского каганата, датируется самым началом 870-х гг., а «призвание» Рюрика может быть отнесено не к 862 г., но к началу 890-х гг. Период правления Олега, сначала как вождя отложившейся от Рюрика и обосновавшейся, скорее всего, в Гнездово дружины, а затем от имени «законного» Рюрикида Игоря, простирается от первого десятилетия X в. до лета 941 г. Самостоятельное княжение Игоря сводится к краткому периоду с лета 941 по начало 945 г. Каждая из этих дат опирается на совокупность аргументов и, следовательно, может стать предметом научной дискуссии, а никакой альтернативной хронологии древнейшей русской истории мне на сегодняшний день в науке не известно.